

Шалак Александр Васильевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
Кафедра международных отношений и таможенного дела,
Байкальский государственный университет, г. Иркутск,
Российская Федерация, e-mail: ShalakAV@bgu.ru

Alexander V. Shalak

Doct. habil. of History, Full Professor, Head of Department
Department of International Relations and Customs, Baikal
State University, Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: ShalakAV@bgu.ru

Приоритеты в области защиты информационно-культурного пространства: историко-геополитическая интерпретация

Аннотация. Отличительной чертой современной эпохи является неуклонный рост цивилизационного самосознания. Данная социальная реальность проявляется в стремлении крупномасштабных общностей людей защитить свои исторические корни, язык, традиционные ценности. Все это актуализирует проблему приоритетов в области защиты информационно-культурного пространства.

С позиций историко-геополитического подхода, контроль за информационным пространством является важнейшим звеном обеспечения национальной безопасности. Содержание деятельности в области российского информационного пространства должно исходить из необходимости защиты культурного ядра российской цивилизации, сохранения национальной идентичности. Такая стратегия способна обеспечить суверенную политику в области национального языка и культуры и стать основой для целеполагания и содержательной деятельности средств массовой информации и коммуникаций. Осмысление исторического опыта позволяет сформулировать основные формы цивилизационного контроля, обеспечивающие смысловую и ценностную идентичность российского общества. Размывание цивилизационных основ всегда связано с целенаправленным воздействием на язык, на его нормы и словарный состав. Поэтому сохранение традиционного словарного состава и расширение географии национального языка является важнейшей формой цивилизационного контроля. Большое значение имеют сохранение исторической памяти, нейтрализация усилий по переписыванию истории и навязыванию новых исторических символов. Формирование гражданской идентичности российского народа на основе общих ценностей в их тесной связи с этническими, религиозными корнями предполагает прагматичную поддержку православия. Важнейшим субъектом реализации данной стратегии является образовательное сообщество страны.

Ключевые слова. Цивилизационный контроль, средства массовой коммуникации, языковая политика, историческая память.

Информация о статье. Дата поступления 12 января 2020 г.; дата принятия к печати 12 февраля 2021 г.; дата онлайн-размещения 24 марта 2021 г.

Priorities in Protecting the Informational and Cultural Space: a Historical-Geopolitical Interpretation

Abstract. Being a hallmark of the current epoch, the constant growth of the civilizational consciousness manifests itself in large-scale societies' urge to protect their historical roots, language and traditional values. This explains the topicality of the problem stated by the author. From the position of the historical-geopolitical approach, the key element in providing national security is control over the country's infosphere. The content of activities in Russian information ecosystem should be determined by the necessity to protect the cultural core of the Russian civilization and preserve the national identity. Such strategy will be able to provide for a sovereign policy concerning the language and culture, and become the basis for determining the aims and the content of mass media's activities. Retrospective understanding of the historical background helps to formulate the key forms of civilizational control to build up the axiological identity of Russian society. Since external influence on the norms and vocabulary of the language is always aimed at undermining the basis of a civilization, it is vitally important to exercise control by preserving the traditional language and broadening the areal of its usage. It is also crucial to preserve the historical memory and prevent history rewriting and imposing false historic symbols. Besides, formation of civil identity of Russian people based on common values and ethical and religious roots requires pragmatic support of Orthodox Christianity. The country's academia is the most important agent of implementing this strategy.

Keywords. Civilizational control, mass media, language policy, historical memory.

Article info. Received January 12, 2020; accepted February 12, 2021; available online March 24, 2021.

Введение

Актуальность данной темы обусловлена кризисом современного общества, необходимостью перехода от потребительской парадигмы мирового развития к различным геокультурным центрам влияния, что требует от государства нахождения своего места в ценностной системе координат. Современный мир является не только ареной соперничества государств и трансконтинентальных корпораций, но и борьбы цивилизаций. Если рас-

сматривать исторический процесс под таким углом зрения, то эконометричный метод теряет свою актуальность. Место рыночной потребительской парадигмы развития занимает ценностный подход, который предполагает иное целеполагание, смыслы развития, понимание прогресса. В данной интерпретации потребление как смысл жизни подвергается глубочайшему сомнению, воспринимается как имманентно присущий только западной цивилизации. Та-

кой подход требует определения государства в ценностной системе координат, поиска своего варианта определенного духовного изоляционизма и идентичности. Если человечество научится жить в таком новом мире, у него расширятся шансы на будущее. Унификация же всего только с позиций потребительского общества — это неизбежный путь в тупик, конфликты, разложение социальности.

Данный вариант несомненно влечет построение иных парадигм развития, различных геокультурных центров влияния, с пониманием относящихся к подобному разнообразию. Рационально осознавать свою культурную судьбу человечество стало по историческим меркам совсем недавно, во второй половине XIX в. Именно в это время оформляется цивилизационный подход как новый метод осмысления истории человечества. Впервые наиболее обоснованно он изложен замечательным русским мыслителем Н.Я. Данилевским [1].

Примерно в этот же период начинает оформляться и геополитический подход к анализу мировой истории, впервые системно изложенный Х. Маккиндером в начале XX в. [2]. Согласно ему, в постколумбовую эпоху (рубеж XIX–XX вв.) начинается качественно новый этап глобализации, связанный с завершением раздела суши и установления полного контроля над земной поверхностью. В итоге резко обостряется борьба между государствами за доступ к ресурсам планеты [3]. Эта борьба может осуществляться в разных формах, но именно дефицит ресурсов в рамках потребительской парадигмы разви-

тия и популистской демократии вынуждает государства на подобные действия. Поскольку весь мир с этого времени может рассматриваться в качестве объекта политического присвоения, стратегическое планирование и целеполагание государства становится важнейшим фактором защиты его национального пространства и безопасности.

Принцип системной организации мирового пространства предполагает восприятие последнего как сложной структурно и функционально дифференцированной системы. Структурные и функциональные элементы такой системы, в том числе и культурные, могут быть включенными в различные функциональные подсистемы и объединяются друг с другом многочисленными связями. В таких условиях отсутствие продуманной стратегии защиты своего информационно-культурного пространства, опора только на военные, политические и экономические факторы не позволяют государству реализовать свои национальные интересы и сформулировать содержание деятельности средств массовой информации и коммуникаций. В связи с этим следует отметить, что зарубежные специалисты в области национальной безопасности, военные теоретики уже давно рассматривают информационное пространство в качестве самостоятельного поля конфронтации наряду с территориально-географическим и воздушно-космическим пространствами [4; 5]. При этом признается, что проблема безопасности информационного пространства носит более острый характер, чем в традиционных сферах межгосударственной конкуренции.

Ее острота обусловлена практикой глубокого проникновения государств в информационную инфраструктуру противников посредством программных средств [6, с. 6].

Цивилизационная форма контроля, опирающаяся на родственные языки, традиции, историю, систему ценностей, образ жизни, в таких условиях оформляется в важнейший фактор в процессах стратегического моделирования государства и сохранения идентичности. Структурированный нормативный порядок является ядром общества при условии, если его нормы и правила базируются на определенной ценностной основе, а цивилизационная идентичность определяется на основе единой культурной ориентации. Каждый из крупных акторов мировой политики пытается не только защитить свой смысл жизни, ценностную ориентацию, язык, культуру, историческую память в процессе отстаивания суверенитета, но и расширить границы информационно-культурного влияния. В таких условиях изменения в языке, культуре общества всегда детерминированы целенаправленной деятельностью внешних субъектов, доминирующих в информационно-культурном пространстве.

Во многих странах эта новая реальность была осознана еще более века назад. США приступили к защите своего информационного поля в 1912 г. Принятый тогда Закон о радио запрещал не гражданам США быть собственниками радиостанций¹. В 1927 г. был принят новый акт, в соответствии с которым доля иностранного участия в

американских радиостанциях ограничивалась 20 % пакета акций². В 1938 г. принимается закон об иностранных агентах, а в 1940 г. Акт Вурхиса, позволяющий американским властям жестко регулировать деятельность организаций, связанных с иностранными политическими структурами, контролировать их деятельность и источники финансирования³. Это всего лишь акты довоенного периода.

Те акторы, которые доминируют в информационном пространстве, используют навязанные принципы «свободы слова» и «независимости средств массовой информации» для преодоления национальных границ, переформатирования культуры и общественного сознания, а любая попытка национального государства защитить свое информационно-культурное пространство атакуется ими с позиций «защиты демократии». Облегчает их деятельность и то, что законы о свободе информации существуют на сегодня более чем в ста странах мира [7, с. 334]. В США стратегия национальной безопасности в редакции 2017 г. выстроена с учетом данного концепта. Интересы страны определяются в рамках «защиты американского образа жизни», «расширения американского влияния»⁴. При этом данный документ в качестве

² Radio Act of 1927 (Public Law 69-632). URL: [https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.\\$b45924&view=1up&seq=204](https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.$b45924&view=1up&seq=204).

³ The Foreign Agents Registration Act. URL: https://web.archive.org/web/20141121095831/http://www.justice.gov/usao/eousa/foia_reading_room/usam/title9/crm02063.htm.

⁴ National Security Strategy of the United States of America. 2017. December. P. 4. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.

¹ An Act to Regulate Radio Communication" (37 Stat. 302) URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.hnfe4a&view=1up&seq=10>.

методов достижения целей предписывает использовать творческий и ресурсный потенциал медийных и интернет-компаний для продвижения американских ценностей, всяческую поддержку своим идейным сторонникам на местах, объединение с ними для продвижения «альтернативных посланий»⁵. Выработка норм международного права, устанавливающих правила и принципы ответственного поведения в информационной сфере, в современной ситуации вряд ли возможна.

Исходя из этого, можно констатировать: без ценностного целеполагания невозможно выстроить содержательную деятельность национальных средств массовой информации и коммуникаций, обеспечить сохранение цивилизационной идентичности, осмысленно защищать свое информационно-культурное влияние.

Целью исследования является выявление основных приоритетов политики, обеспечивающей системный контроль за цивилизационным пространством. Методологической основой анализа выступает историко-геополитическая система знаний, согласно которой после завершения территориального раздела мира в начале XX в. основные акторы мировой политики получают доступ к ресурсам планеты только через перераспределение пространства. Безопасность государства определяется моделированием поведения государства с целью защиты своего пространства, важнейшим видом которого является информационно-культурное пространство. Объектом

данного исследования является цивилизационный контроль. К предмету изучения отнесены опосредованные историческим опытом направления государственной политики в области информационно-цивилизационного контроля.

Историко-геополитическое осмысление опыта в области цивилизационного контроля

С начала XX в., после завершения раздела суши и установления прямого контроля над земной поверхностью, деятельность в области защиты своей цивилизационной идентичности приобретает вполне осмысленный характер. Наиболее наглядно цивилизационный контроль просматривается в годы войны, которая всегда резко очерчивает повестку «друг-враг». После начала русско-японской войны 1904–1905 гг. в Иркутске под предлогом «ограждения остающихся на жительство в губернии японских подданных от всяких случайностей» за ними был установлен строгий надзор. Вскоре это дополняется для них запретом жить по линии Сибирской железной дороги, а из Иркутска японские подданные вообще были выселены [8, с. 260].

С началом Первой мировой войны, осенью 1914 г., началось массовое выселение немцев из приграничной полосы, осуществлена замена немецких названий населенных пунктов русскими. В Российской империи эта политика привела к отказу от большого количества топонимов немецкого происхождения, которых в стране было немало. Накануне Первой мировой войны в стране проживало около 2,4 млн немцев, в том числе в Азиатской

⁵ National Security Strategy of the United States of America. 2017. December. P. 35. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.

России 8 870 [9]. В отечественной историографии нет единого мнения по поводу первого немецкого поселения в Сибири. Большинство исследователей относят их появление в Тобольской губернии к первой половине 1880-х гг. [10].

Многие поселения (колонии) российских немцев имели немецкие названия: Бальцер, Берн, Дитель, Гримм, Катариненштадт, Цюрих, Штрауб и др. Такие топонимы как Санкт-Петербург, Екатеринбург, Оренбург, Ораниенбаум, многие другие в то время воспринимались как «немецкое засилье». Уже на исходе первого месяца войны Санкт-Петербург был переименован в Петроград, а на карте России появились множество населенных пунктов с типичными русскими названиями. Кроме того, в годы Первой мировой войны российские власти национализировали предприятия, принадлежавшие этническим немцам, подданным Германии и Австро-Венгрии [11, с. 72–75; 12, с. 81–82].

В США, когда они решили принять участие в Первой мировой войне, запретили разговаривать на немецком языке, библиотеки перестали выдавать книги на немецком языке, оркестры выбросили из репертуара произведения немецких композиторов, переименовали гамбургеры в «бутерброды свободы», немецких овчарок в «полицейских собак». Немцы не только подвергались политическому остракизму, но и погибали часто от рук толпы [13, с. 59–60].

Подобная политика, направленная на усиление цивилизационного контроля, проводилась и накануне Великой Отечественной войны. В

условиях опасности японского нападения на СССР были переселены во внутренние районы страны жившие на советском Дальнем Востоке корейцы. Подобные меры по отношению к немцам были предприняты уже непосредственно во время войны с нацистской Германией. На начало 1941 г. примерно в 5 тыс. населенных пунктов СССР основную или значительную часть жителей составляли немцы [14, с. 1]. Превентивные меры были предприняты по отношению к поволжским немцам, которые были переселены в Сибирь и Казахстан. Одновременно с этим все этнические немцы были исключены из ВКП(б) и уволены с любых руководящих должностей [15, с. 183–184].

Аналогичные меры были предприняты и в США. 19 февраля 1942 г. Рузвельт подписал исполнительный ордер 9066, по которому было зачищено Тихоокеанское побережье. Всего интернировали 127 тыс. американских граждан японского происхождения, в том числе насильственной высылке из мест постоянного проживания подверглось около 30 тыс. детей. Среди интернированных в лагеря японцев две трети составляли люди, имевшие американское гражданство, получить которое по тем временам можно было только после тщательной проверки. До конца войны их содержали в 12 лагерях. Лишь в 1988 г. президент Рейган принес письменные извинения и выделил каждому из оставшихся к этому времени 81 тысячам интернированным компенсацию в размере 20 тыс. долл.

Под действие указа Рузвельта об интернировании попали также немцы и итальянцы: в лагеря были по-

мещены 11 тыс. немцев и 5 тыс. итальянцев. Еще около 150 тыс. немцев и итальянцев получили статус «подозрительных лиц», и все время войны они находились под наблюдением спецслужб и должны были сообщать обо всех передвижениях по США [16, с. 7].

К середине XX в. был накоплен достаточно большой опыт в области цивилизационного контроля. К сожалению, в нашей стране он мало поддавался осмыслению, и на то были свои причины. Советский Союз выстраивал новую историческую общность — «советский народ», со своим культурным кодом, идеологией и соответствующими мифами. Межкультурные различия в такой ситуации нивелировались, как и традиционные ценности, преемственность российской истории игнорировалась. При этом в этой деятельности явно не хватало креатива и наступательности. Объединенный Запад в послевоенный период опирался на либеральный подход, мультикультурные различия предлагал преодолевать через утверждение прав и свобод, толерантности и развитие демократии. Эти идеи агрессивно и в красивой упаковке внедрялись по всему миру, опираясь на информационно-технологическое превосходство. В постсоветский период Россия также оказалась в этом информационном плену. При этом либеральная идеология, предлагая в информационном поле конкуренцию в качестве основы развития, в том числе духовного и политического, на практике стремится к подавлению иных смысловых парадигм развития. Особенно это проявляется в отношении к российской и исламской ци-

визации. Данное обстоятельство никак не связано с идеологической враждебностью или идеологической близостью, а объясняется геополитическим и цивилизационным противостоянием. Председатель Временного правительства А.Ф. Керенский, вынужденный после октябрьских событий эмигрировать на Запад и большую часть своей жизни проживший в США, отмечал, что с Россией считались в меру ее силы или бессилия. Но никогда равноправным членом в круг народов «европейской высшей цивилизации» не включали [17, с. 11, 12, 152]. В настоящее время нет идеологических причин, препятствующих интеграции России в Европейское сообщество. Тем не менее, никакого союза нет и не предвидится. М. Тэтчер называла основные причины, почему не будет никакого союза с Россией. Главная из них — Россию нельзя считать «нормальной страной» [18, с. 17].

Следует также напомнить, что фактически ни один крупный западный мыслитель не считал Россию европейской страной. Известный германо-британский социолог Р. Дарендорф писал в 1990 г.: «Европа заканчивается на советской границе, где бы последняя не проходила» [19, с. 75].

Поэтому историко-геополитическая интерпретация прошлого и будущего развития страны должна учитывать не столько экономические, технологические достижения, сколько иметь ценностное обоснование с позиций национальной идентичности. Это особенно важно для современной фазы глобализации. В рамках нарастающего информационно-культурного противостояния

приобрести геополитическое влияние невозможно вне укрепления национальной идентичности, которая основана на общности своей истории, ценностей, традиций. Только это позволяет чувствовать себя единым народом, объединяться вокруг общих целей.

В постсоветской России осознание проблемы сохранения своей национальной и цивилизационной идентичности происходило не просто. После 1991 г. государство устранилось не только от разработки новой идеологии развития, но и какого-либо национального смысла. Позднее президент В.В. Путин прокомментировал данную ситуацию тем, что «отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности, было выгодно той квазиколониальной части элиты, которая предпочитала воровать и выводить капиталы, и не связывала свое будущее со страной, где эти капиталы зарабатывались» [20]. Серьезный разговор на предмет идентичности «русского мира» был инициирован со стороны российской власти только в 2015 в выступлении В.В. Путина на дискуссионном клубе Валдай: «Наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции» [там же]. С этого времени было введено понятие «Русский мир», предпринято немало мер по возрождению интереса к культуре и историческому прошлому России. Данные вопросы нашли отражение в новой Стратегии национальной безопасности, утвержденной 31 дека-

бря 2015 г. В 2016 г. была принята в новой редакции доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Тем не менее в области контроля за информационно-культурным пространством проблем гораздо больше, чем зримых достижений. Связаны они не только с нашим отставанием в области информационно-технической инфраструктуры, но и с субъективной деятельностью в области определения смысловых приоритетов стратегии государства в данной сфере. А без этого средства массовой информации не способны выполнять интегративную функцию в повседневной жизни.

Приоритеты в области защиты информационно-культурного пространства

Осмысление исторического опыта позволяет утверждать, что устойчивость российского информационно-культурного пространства обусловлена приоритетами в области языковой политики, сохранения исторической памяти, а также традиционной религии, определяющей нравственные ориентиры общества.

Пространство государства скрепляет земля, народ и язык. Из этих трех частей в настоящее время самой уязвимой является язык. Даже если сократить территорию России до одной области, а население — до нескольких миллионов человек, то страна не перестанет быть Россией. Но если в языке оставить лишь десятую долю русских слов, то русским он быть перестанет, поскольку перестанет выполнять функцию передачи культурных смыслов. Только устойчивость языка обеспечивает взаимопонимание людей разных поколений и преемственность наци-

ональной культуры. Чем сложнее и глубже культура общества, его литературный язык, тем легче нейтрализовать усилия внешних субъектов по трансформации общественно-го сознания в нужном для них направлении. Чем больше культурных ценностей накоплено на языке, тем сильнее действует тенденция сохранить эти ценности для последующих поколений. Но это не реализуется автоматически. Влияние на другие языки всегда детерминировано экономическим, политическим, военным доминированием.

Размывание цивилизационных основ обусловлено целенаправленным воздействием на язык, его нормы и словарный состав. Поэтому сохранение традиционного словарного состава является важнейшим элементом языковой политики. Для России это давно являлось актуальной проблемой. При Петре заимствовали голландские слова, затем заимствовали слова из французского, в настоящее время русские понятия вытесняются английскими. Исследования показали, что уже после 15 лет постсоветского периода в базовой части экономической лексики (70,9 %) латинизмы составляют 34,6 %, русские слова 18,8 % и 17,5 % — заимствования из французского языка [21, с. 19–20]. Заимствования в рекламе в еще большей степени насыщены англоязычной лексикой. Проведенные исследования показали, что уже в 2010 г. процентное соотношение англицизмов в рекламе варьировалось до 25 % [22]. Интенсификация заимствований сегодня трактуется в качестве одной из основных тенденций развития лексико-фразеологической системы русского языка начала XXI в. Причины подобного развития

исследователи объясняют действием «закона речевой экономии», а также экономической глобализацией, межкультурными контактами, рекламной экспансией мировых брендов, техническом перевооружении быта [23, с. 533].

Сознательная деятельность государства по защите своего культурного пространства при такой трактовке не просматривается. Все приписывается невидимой руке рынка и «свободе слова». В то же время другие страны давно на государственном уровне защищаются от экспансии английского языка. В Германии англоязычные заимствования в рекламе составляют всего 4 % от всех применяемых слов [21, с. 20]. Во Франции еще в 1975 г. был принят закон, запрещающий использование иностранных слов, если существовал французский эквивалент. В 1994 г. был принят новый «Закон об использовании французского языка», предписывающий заменять английскую лексику отечественными эквивалентами, выработанными специальными терминологическими комиссиями⁶. За невыполнение закона предусмотрены санкции вплоть до тюремного заключения. Аналогичные законы принимаются в других странах. Закон о польском языке от 7 октября 1999 г. предусматривает обязательность перевода международных соглашений на государственный язык, размещения надписей и информации в офисах и коммунальных службах на них и пр.⁷. Власти Ирана

⁶ Loin° 94-665 du 4 août 1994 (dite Loi Toubon. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Congress_of_the_Peoples_of_the_East.

⁷ Закон Республики Польша от 07.10.1999 о польском языке. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/10/19/zakon_respubliki_polsha_ot_07101999_o_polskom_yazyke.

в 2018 г. вообще запретили преподавание английского языка в начальной школе. В современной России ничего подобного нет.

Сохранение национального языка предполагает не только его защиту в России, но и практическую деятельность по его поддержке везде, где ведется обучение на русском языке. Укрепление духовных скреп русского мира немыслимо без расширения географии его языка. Это хорошо осознают наши геополитические противники. Именно поэтому введен запрет на получение образования на русском языке в прибалтийских государствах. На Украине из 22 тыс. школ уже к 2007 г. осталось 1 430, ведущих преподавание на русском языке, а в январе 2020 г. Верховная Рада принимает закон «О полном общем среднем образовании», предусматривающий с сентября 2020 г. перевод на украинский язык весь процесс обучения в школе⁸. Одновременно был введен запрет на получение высшего образования на русском языке (решение Конституционного суда Украины от декабря 1999 г., запрет воспитания в детских садах на русском языке (с 1998 г.), запрещены русскоязычные издания [24]. Логичным завершением этих процессов стало принятие закона «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного». Он делает украинский язык обязательным к использованию во всех сферах жизни общества и обязывает госслужащих, военнослужащих, политиков, силовиков, правоохранителей, судей, но-

тариусов, медиков говорить на украинском у себя на работе. «Публичное пренебрежение государственным языком» карается уголовным наказанием до трех лет⁹.

Аналогичные процессы давно запущены в других государствах на постсоветском пространстве. В октябре 2017 г. президент Казахстана Н. Назарбаев подписал указ о поэтапном переводе алфавита казахского языка на латинскую графику до 2025 г. Новые поколения в результате реализации данной реформы будут не способны усвоить накопленное до них. Таким образом, обнуляется весь комплекс знаний, в том числе и трактовки истории, политики, которые были до этого.

Второй важнейшей формой цивилизационного контроля является сохранение исторической памяти. Основными инструментами борьбы с исторической памятью являются переписывание истории и навязывание новых исторических символов, праздников.

В современных украинских учебниках по истории пишется, что «украинцы столетиями подвергались притеснениям в Российской империи», что «голодомор был специально организован» властью для того, чтобы на «Украине повымирили люди, а их место заняли переселенцы из России». Верховная рада признает «голодомор» начала 1930-х гг. геноцидом украинского народа (ноябрь 2006 г.). В 1990-е гг. из украинских учебников по истории исчезло понятие Великая

⁸ О полном общем среднем образовании : Закон Украины от 16 янв. 2020 г. № 463-IX : (ред. от 13 июля 2020). URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T200463.html.

⁹ Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного : Закон Украины от 25 апр. 2019 г. № 2704-VIII. URL: https://kodeksy.com.ua/ka/ob_obespechenij_funktsionirovaniya_ukrainskogo_yazyka_kak_gosudarstvennogo.htm.

Отечественная война. Ее стали называть Вторая мировая война, затем переименовали в советско-немецкую, затем — коммуно-нацистскую.

Переписывают историю не только на постсоветском пространстве, но и в бывших социалистических странах. Особенно это имеет отношение к Польше.

Механизм переписывания истории давно запущен и в России. На самом высоком уровне цитируется А.И. Солженицын, являвшийся одним из основных идеологических инструментов в деле разрушения исторической России. Достаточно проанализировать информационный фон, сетку телевидения, киноповестку, чтобы понять, что призывы к преемственности нашей истории являются пока декларацией о намерениях.

Наряду с переписыванием истории навязываются новые исторические символы и праздники, которые приходят на смену тем, что характеризовало родство и братские отношения наших народов. Б. Хмельницкий на Украине с 2014 г. считается предателем, а Мазепа — национальным героем и патриотом. Проспект в Киеве имени генерала Н.Ф. Ватутина, войска которого освободили Киев, переименован в проспект имени Р. Шухевича, лидера украинской повстанческой армии, служившего под знаменами «третьего рейха». В честь Бандеры в Киеве переименовали Московский проспект. Национальным праздником объявлена битва под Конотопом в 1659 г., когда объединенные силы крымских татар, поляков и украинцев разбили московское войско.

История не является простым обращением в прошлое. Истори-

ческое сознание объединяет население, формирует гражданский потенциал общества, повышает сопротивляемость к чуждым цивилизационным влияниям. Гордость за общую историю, прошлое укрепляет доверие между этносами, является основой цивилизационной идентичности и осмысленного развития в системе определенных координат. Без исторической памяти в России невозможно предотвратить дезинтеграционные процессы, поскольку различные этносы тяготеют к другим центрам геополитического влияния. Цивилизационная общность, как и социальность в интегрирующем смысле способна осуществлять взаимодействие людей через упорядоченную цепь коммуникаций и устойчивые структуры только на основе смысловой деятельности [25, с. 98].

С этой точки зрения, вряд ли можно согласиться с утверждением, что массмедиа становятся фактором интеграции общества через создание медиаконтента в массовом сознании как медиакартинки действительности [26, с. 423]. Это становится возможным только при условии, если данная медиакартинка соответствует ценностному цивилизационному коду. То есть высокий интегративный потенциал журналистики в этом смысле может быть реализован только через ее участие в формировании и поддержании нормативно-ценностного порядка в обществе.

Если же государство в лице политической элиты устраняется от роли сохранения и производителя смыслов, делегирует это право массмедиа, то на передний план выходит тот продукт, рекламная кампания по

социальному тиражированию которого оказалась наиболее успешной [27, с. 644].

Ядром цивилизации является не только культура, но и религия. Если в культуре отражается самобытное отношение к внешнему миру, хранятся знания, позволяющие отследить траекторию развития народа, то религия формирует основу нравственной деятельности человека. Первым вычленил фактор религии в качестве определяющего признака цивилизации А.С. Хомяков. Он писал: «Выньте Христианство из истории Европы и Буддаизм из Азии, и вы уже ничего не поймете ни в Европе, ни в Азии» [28]. Именно на основе религии формируется система ценностей, определяющая развитие культуры. Поэтому поддержку традиционной религии также следует отнести к основным формам цивилизационного контроля.

Русская православная церковь не случайно подвергается хорошо продуманным информационным атакам от оскорбительных заявлений в адрес народа и православия до откровенных провокаций. Этому порой вольно или невольно способствуют и историки, которые интерпретируют историю страны через религиозный раскол середины XVII в. [29; 30]. Обоснование потрясений, произошедших в России, церковными реформами середины XVII в. практически на нет сводят консолидирующую роль православия в евразийской и русской культуре.

Речь при этом не идет об идентификации российской цивилизации исключительно через религию. В государстве с полиэтничным составом населения такой подход является радикальным. Но при этом нельзя

забывать, что 83 % населения РФ являются русскими, и безусловна связь русской культуры с православием. Поэтому сформировать гражданскую идентичность на основе общих ценностей, сопричастности к судьбе Родины без связи русского народа со своими этническими, религиозными корнями вряд ли возможно. Такой вывод можно сделать из опыта советского периода отечественной истории. Без этого цементирующего звена цивилизационное пространство России приобретает неопределенные формы. Поэтому деятельность, направленную на подрыв православия, необходимо воспринимать не как агрессию против церкви в качестве организации или института, а против культурного ядра, против цивилизационного кода.

Заключение

Анализ проблем обеспечения национальной безопасности государства представляет собой сложный процесс, требующий исследования различных характеристик. В этом процессе реализуются различные исследовательские подходы. Важность применяемого в данной статье геополитического подхода к исследованию проблем обеспечения национальной безопасности обусловлена требованием обязательного учета духовно-культурных возможностей государства. Приоритеты в области цивилизационного контроля формулируются посредством прямого эмпирического обобщения исторических фактов. Они опираются на результаты историко-генетического анализа пространственной экспансии государств в информационно-культурной сфере.

В Стратегии Национальной безопасности РФ отмеченная в статье опасность размывания цивилизационных основ российского общества осознается. Впервые после распада СССР в данном документе сформулирована система ценностей, традиционно характерная для народов России: приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины¹⁰. Однако от признания опасности размывания основ «русского мира» до целеполагания и практической деятельности по защите цивилизационного пространства дистанция огромного размера. Пока в этой борьбе Россия явно уступает своим основным геополитическим противникам. Сознательная деятельность по дискредитации марксистско-ленинской идеологии стала прологом к распаду пространства исторической России. Отсутствие национального смысла и стратегии развития, основанной на ценностях, имманентно присущих российской цивилизации, точно так же могут стать прологом к распаду современной России.

Наряду со средствами массовой информации и коммуникации,

¹⁰ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683. URL: https://www.artiks.ru/consultant_doc.php?art_no=706.

одним из важнейших субъектов деятельности по интеграции российского информационно-культурного пространства является образовательное сообщество. Оно должно стать фундаментом политики, обеспечивающей самоопределение граждан на системе ценностей, выступающей основой понимания российской культурной самобытности и национального смысла существования. Роль образовательного сообщества обусловлена тем, что оно является хранителем общенациональных ценностей, идей, и в то же время максимально приближено к знаниям и воспитанию. Это позволяет ему целенаправленно действовать на территории всей страны и тем самым скреплять ее культурное своеобразие.

Однако программное обеспечение для консолидации усилий в области цивилизационного контроля в России на сегодня отсутствует. Россия по-прежнему продолжает балансировать у опасной черты утраты национальной идентичности. И это в условиях, когда информационные технологии, с помощью которых стравливают родственные по культуре народы, отработаны до совершенства. Без решения задачи интеграции российского общества на основе стратегии, направленной на сохранение своей цивилизационной идентичности невозможно обеспечить национальную безопасность в кардинально изменяющемся мире, защитить информационно-культурное пространство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. — Москва : Книга, 1991. — 573 с.
2. Маккиндер Х. Географическая ось истории / Х. Маккиндер // Полис. Политические исследования. — 1995. — № 4. — С. 162–169.

3. Сулима Е. Геоистория как парадигма осмысления международных отношений / Е. Сулима, М. Шепелев // *Международные процессы*. — 2018. — Т. 16, № 2 (53). — С. 49–59.
4. Lewis J. Cybersecurity and Cyberwarfare: Preliminary Assessment of National Doctrine and Organization / J. Lewis, K. Timlin ; UNIDIR. — 2011. — URL: <http://unidir.org/files/publications/pdfs/cybersecurity-and-cyberwarfare-preliminary-assessment-of-national-doctrine-and-organization-380.pdf>.
5. Manjikian M.M. From Global Village to Virtual Battlespace: The Colonizing of the Internet and the Extension of Realpolitik / M.M. Manjikian // *International Studies Quarterly*. — 2010. — Vol. 54, no. 2. — P. 381–401.
6. Buchanan B. The Cybersecurity Dilemma: Hacking, Trust, and Fear between Nations / B. Buchanan. — New York : Oxford Univ. Press, 2017. — 304 p.
7. Китова Е.Б. Отражение ценностной иерархии общества в концепциях data protection («защита данных») и freedom of information («свобода информации») / Е.Б. Китова, А.Г. Мельгунова. — DOI 10.17150/2308-6203.2019.8(2).330-341 // *Вопросы теории и практики журналистики*. — 2019. — Т. 8, № 2. — С. 330–341.
8. Иркутск накануне и в 1917 году. Очерки политической истории губернского центра / под ред. Л.М. Дамешека. — Иркутск : Оттиск, 2017. — 544 с.
9. Савин А.И. Немцы в Сибири / А.И. Савин, Т.Б. Смирнова // *Историческая энциклопедия Сибири*. — 2009. — URL: http://irkipedia.ru/content/nemcy_v_sibiri_istoricheskaya_encyklopediya_sibirj_2009.
10. Шайдуров В.Н. Немецкая община Западной Сибири (вторая половина XVIII — начало XX вв.) / В.Н. Шайдуров // *Новый исторический вестник*. — 2008. — № 1 (17). — С. 50–63.
11. Шайдуров В.Н. Ликвидационное законодательство Российской империи и его влияние на формирование немецкой диаспоры в Сибири в начале XX в. / В.Н. Шайдуров // *Немцы в Сибири: история, язык, культура : материалы междунар. науч. конф., Красноярск, 13-16 окт. 2004 г.* / под ред. В.А. Дятлова. — Красноярск, 2004. — С. 43–45.
12. Малиновский Л.В. История немцев в России / Л.В. Малиновский. — Барнаул : *Позиция*, 2008. — 175 с.
13. Стоун О. Нерассказанная история США / О. Стоун, П. Кузник. — Москва : *КоЛибри* : *Азбука-Аттикеус*, 2015. — 928 с.
14. Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г. : справочник / сост. В.Ф. Дизендорф. — Москва : *Обществ. акад. наук рос. немцев*, 2002. — 479 с.
15. Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940–1950 гг.) / А.В. Шалак. — Иркутск : *Изд-во ИГЭА*, 2000. — 356 с.
16. Овчинников В. Идею «этнического ГУЛАГа» Сталину подсказал Рузвельт / В. Овчинников // *Российская газета*. — 2008. — 23 дек. — С. 7.
17. Керенский А.Ф. История России / А.Ф. Керенский. — Иркутск : *Коммерческий центр Журналист*, 2000. — 514 с.
18. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для изменяющегося мира / М. Тэтчер. — 2-е изд. — Москва : *Альпина Паблишер*, 2005. — 502 с.
19. Лукьянов Ф.А. Блеск и нищета альянса. Как атлантизм выиграл холодную войну и сделал ее вечной // *Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России* / под ред. А.В. Лукина. — Москва : *Международные отношения*, 2018. — С. 69–91.
20. Путин В.В. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» : стенограмма заседания / В.В. Путин // *Российская газета*. — 2013. — 19 сент. — URL: <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>.
21. Ашрапова А.Х. Исследование современной заимствованной лексики в русском, английском и немецком языках (на примере экономической терминологии XXI Века) / А.Х. Ашрапова, С.В. Алендеева // *Филология и культура*. — 2014. — № 4 (38). — С. 17–24.

22. Дедюхина А.Г. Англиязычные заимствования в российской рекламе: лингвосомиотические характеристики : автореф. канд. филол. наук : 10.02.19 / А.Г. Дедюхина. — Краснодар, 2011. — 24 с.
23. Селеменова О.А. Языковые средства создания эффекта доверия в коммерческих рекламных текстах / О.А. Селеменова. — DOI 10.17150/2308-6203.2020.9(3).530-542 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2020. — Т. 9, № 3. — С. 530–542.
24. Александров С. Кризис на Украине / С. Александров // Литературная газета. — 2017. — № 15.
25. Бакланова О.А. Методологические конструкты исследования социальности современного общества / О.А. Бакланова, И.С. Бакланов, А.М. Ерохин // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2016. — Т. 8, № 3-1. — С. 95–100.
26. Корконосенко С.Г. Социальность журналистики и медиа: методологические подходы / С.Г. Корконосенко. — DOI 10.17150/2308-6203.2020.9(3).417-430 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2020. — Т. 9, № 3. — С. 417–430.
27. Николайчук И.А. Поиск новой российской идентичности: медиагеографические исследования ментального ландшафта / А.Ю. Николайчук, Т.С. Якова, М.М. Янглева. — DOI 10.17150/2308-6203.2020.9(4).642-659 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2020. — Т. 9, № 4. — С. 642–659.
28. Хомяков А.С. Семирамида. Исследование истины исторических идей / А.С. Хомяков. — URL: <http://homyakov.lit-info.ru/homyakov/semiramida/index.htm>.
29. Пыжиков А.В. Грани русского раскола: заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года / А.В. Пыжиков. — Москва : Древлехранилище, 2013. — 647 с.
30. Пыжиков А.В. Славянский разлом. Украинско-польское иго в России / А.В. Пыжиков. — Москва : Концептуал, 2017. — 272 с.

REFERENCES

1. Danilevsky N.Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 573 p.
2. Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 1995, no. 4, pp. 162–169. (In Russian).
3. Sulima Ye., Shepelev M. Geohistorical Approach to the Evolution of International Relations. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*, 2018, vol. 16, no. 2 (53), pp. 49–59. (In Russian).
4. Lewis J., Timlin K. *Cybersecurity and Cyberwarfare: Preliminary Assessment of National Doctrine and Organization*. UNIDIR, 2011. Available at: <http://unidir.org/files/publications/pdfs/cybersecurity-and-cyberwarfare-preliminary-assessment-of-national-doctrine-and-organization-380.pdf>.
5. Manjikian M.M. From Global Village to Virtual Battlespace: The Colonizing of the Internet and the Extension of Realpolitik. *International Studies Quarterly*, 2010, vol. 54, no. 2, pp. 381–401.
6. Buchanan B. *The Cybersecurity Dilemma: Hacking, Trust, and Fear between Nations*. New York, Oxford University Press, 2017. 304 p.
7. Kitova E.B., Melgunova A.G. The Reflection of the Social Value Hierarchy in the Concepts of Data Protection and Freedom of Information. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 330–341. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(2).330-341. (In Russian).
8. Dameshek L.M. (ed.). *Irkutsk nakanune i v 1917 godu. Ocherki politicheskoi istorii gubernskogo tsentra* [Irkutsk on the eve and in 1917. Essays on the Political History of the Governorate's Centre]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2017. 544 p.
9. Savin A.I., Smirnova T.B. The Germans in Siberia. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. 2009. Available at: http://irkipedia.ru/content/nemcy_v_sibiri_istoricheskaya_entsiklopediya_sibiri_2009. (In Russian).
10. Shaidurov V.N. German community in Western Siberia (in the period of late XVIII — early XX centuries). *Novyi istoricheskii vestnik = The New Historical Bulletin*, 2008, no. 1 (17), pp. 50–63. (In Russian).

11. Shaidurov V.N. Liquidation Legislation of the Russian Empire and its Impact on the Formation of the German Diaspora in Siberia in the Early Twentieth Century. In Dyatlov V.A. (ed.). *Nemtsy v Sibiri: istoriya, yazyk, kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Krasnoyarsk, 13-16 oktyabrya 2004 g.* [Germans in Siberia: History, Language, Culture. Materials of International Scientific Conference, Krasnoyarsk, October 13-16, 2004]. Krasnoyarsk, 2004, pp. 43–45. (In Russian).
12. Malinovsky L.V. *Istoriya nemtsev v Rossii* [History of the Germans in Russia]. Bar-naul, Pozitsiya Publ., 2008. 175 p.
13. Stone O., Kuznick P. *The Untold History of the United States*. New York, Simon & Schuster, 2012. 784 p. (Russ. ed.: Stone O., Kuznick P. *Nerasskazannaya istoriya SShA*. Moscow, KoLibri Publ., 2015. 928 p.).
14. Dizendorf V.F. (ed.). *Nemetskie naseleynnye punkty v SSSR do 1941 g.* [German Settlements in the Soviet Union until 1941]. Moscow, Obshchestv. akad. nauk ros. Nemtsev Publ., 2002. 479 p.
15. Shalak A.V. *Sotsial'nye problemy naseleniya Vostochnoi Sibiri: (1940–1950 gg.)* [Social Problems of the Population of Eastern Siberia (1940–1950)]. Irkutsk State Economics Academy Publ., 2000. 356 p.
16. Ovchinnikov V. It was Roosevelt who gave Stalin the idea of “ethnic Gulag». *Rossiiskaya gazeta*, 2008, December 23, pp. 7. (In Russian).
17. Kerensky A.F. *Istoriya Rossii* [History of Russia]. Irkutsk, Kommercheskii tsentr Zhurnalistskiy Publ., 2000. 514 p.
18. Thatcher M. *Statecraft : Strategies for a Changing World*. HarperCollins, 2002. 512 p. (Russ. ed.: Thatcher M. *Iskusstvo upravleniya gosudarstvom. Strategiya dlya izmenyayushchegosya mira*. 2nd ed. Moscow, Al'pina Publisher Publ., 2005. 502 p.).
19. Lukyanov F.A. The Way the Atlanticism Has Won the Cold War and Made It Eternal. In Lukin A.V. (ed.). *Novye mezhdunarodnye otnosheniya: osnovnye tendentsii i vyzovy dlya Rossii* [New International Relations: Main Tendencies and Challenges for Russia]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2018, pp. 69–91. (In Russian).
20. Putin V.V. Valdai Speech of Vladimir Putin. *Rossiiskaya gazeta*, 2013, September 19. Available at: <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>. (In Russian).
21. Ashrapova A.K., Alendeeva S.V. The Studies of Modern Lexical Borrowings in the Russian, English, and German Languages (Based on Economics Terminology of the 21st Century). *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, 2014, no. 4 (38), pp. 17–24. (In Russian).
22. Dedyukhina A.G. *Angloyazychnye zaimstvovaniya v rossiiskoi reklame: lingvosemioticheskie kharakteristiki. Avtoref. Kand. Diss.* [English loan words in Russian advertisements: linguo-semiotic characteristics. Cand. Diss. Thesis]. Krasnodar, 2011. 24 p.
23. Selemeneva O.A. Language Means of Creating Credibility Effect in Commercial Advertising Texts. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistski = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2020, vol. 9, no. 3, pp. 530–542. DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(3).530-542. (In Russian).
24. Alexandrov S. The Crisis in Ukraine. *Literaturnaya gazeta*, 2017, no. 15. (In Russian).
25. Baklanova O.A., Baklanov I.S., Erokhin A.M. Methodological Researching Constructs of Contemporary Society Sociality. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social-Educational Ideas*, 2016, vol. 8, no. 3-1, pp. 95–100. (In Russian).
26. Korkonosenko S.G. Sociality of Journalism and Mass Media: Methodological Approaches. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistski = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2020, vol. 9, no. 3, pp. 417–430. DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(3).417-430. (In Russian).
27. Nikolaichuk I.A., Yakova T.S., Yanglyaeva M.M. In Search for a New Russian Identity: Media-Geographical Studies of the Mental Landscape. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistski = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2020, vol. 9, no. 4, pp. 642–659. DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(4).642-659. (In Russian).
28. Khomyakov A.S. Semiramis. Exploring the Truth of Historical Ideas. *Lit-info.ru*. Available at: <http://homyakov.lit-info.ru/homyakov/semiramida/index.htm> (In Russian).
29. Pyzhikov A.V. *Grani russkogo raskola: zametki o nashei istorii ot XVII veka do 1917 goda* [Facets of the Raskol: notes on our history from XVII c. till 1917]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2013. 647 p.

30. Pyzhikov A.V. *Slavyanskii razlom. Ukrainsko-pol'skoe igo v Rossii* [The Slavic Break-up: Ukrainian and Polish Yoke in Russia]. Moscow, Kontseptual Publ., 2017. 272 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шалак А.В. Приоритеты в области защиты информационно-культурного пространства: историко-геополитическая интерпретация / А.В. Шалак. — DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(1).157-173 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2021. — Т. 10, № 1. — С. 157–173.

FOR CITATION

Shalak A.V. Priorities in Protecting the Informational and Cultural Space: a Historical-Geopolitical Interpretation. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2021, vol. 10, no. 1, pp. 157–173. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(1).157-173. (In Russian).